

Чи Ань не спрашивал Лян Цэ, когда у того день рождения, только потому, что знал это уже целую вечность.

Дата рождения Лян Цэ была паролем к телефону Чи Аня со старшей школы и по сей день. Чтобы Лян Цэ ничего не заподозрил, Чи Ань на лютom морозе стягивал с лица шарф и упрямо разблокировал экран только через Face ID. В такие моменты Лян Цэ совершенно естественно, одной рукой, бережно затягивал шарф обратно на его шее. Второй рукой он в это время звонил в ресторан, чтобы перенести бронь на более позднее время. Потому что Чи Ань захотел дойти туда пешком. Потому что Чи Ань хотел идти очень, очень медленно.

За все эти годы окружение Чи Аня так и не поняло, почему он так привязан к Лян Цэ. Однажды он показал фотографию Лян Цэ своей подруге Мо Фань. Ту старую карточку из школьных времён, которую прятал под чехлом.

Увидев снимок на синем фоне, где Лян Цэ запечатлён в спортивной форме, Мо Фань нахмурилась: – Похож на обычного зубрилу. Что тебя в нём так зацепило?

– В каком смысле?

– Есть люди, глядя на которых сложно представить их в моменты проявления сильных чувств или слабости. От одной мысли об этом становится не по себе. Он кажется именно таким.

Но для Чи Аня всё было иначе. Чи Аню казалось, что любой человек в постели выглядит отвратительно, кроме Лян Цэ. Когда он проходил стажировку за границей, он видел одного красавца, голубоглазого и мускулистого, и друзья говорили: «Боже, как же хочется с ним переспать!». Чи Ань попытался представить это: красавец сливается с какой-то тенью, издавая невнятные звериные звуки, его растрёпанные кудри жалко и беспомощно мечутся, колотя человека под ним по глазам, шее, ушам, а он тяжело дышит, одержимый лишь одним... утолить похоть. Утолить похоть. Утолить похоть! Этот человек поднимает голову, и Чи Ань видит, что его лицо превратилось в лицо Сунь Ляна.

Руки Чи Аня начинали дрожать, спокойствие исчезало, тревога захватывала всё, ему снова хотелось ущипнуть себя. Эти вещи должны делаться только для удовлетворения потребностей, кто осмелится наслаждаться процессом, нарушает правила. За это придётся платить. Друзья исчезнут. Семнадцатый этаж. Такой высокий дом. Так много ветра. Лицо, разбивающееся о землю.

Но мысли о Лян Цэ приносили ему иное чувство. В своих мечтах он представлял, как рушится его кровать, и в этом хаосе его обнимает Лян Цэ. В этой фантазии не было места кошмарам, только ощущение абсолютной безопасности и кристально чистого счастья.

Чи Ань видел в Лян Цэ нечто возвышенное, почти божественное. Ему казалось, что только рядом с этим человеком он защищён от жизненных катастроф. Лян Цэ обладал резкими, точёными чертами лица, которые не казались опасными. Он выглядел отстранённым, словно лишённым обычных человеческих желаний и суесть. Его спокойствие напоминало течение

безмолвной, мощной и способной подарить Чи Аню долгожданное умиротворение глубокой реки.

Если бы Мо Фань показали нынешнее фото Лян Цэ, она бы точно поняла, почему Чи Ань его любит. «Ого, какой красавчик! Ну тогда всё понятно, вполне естественно, что хочется чего-то получше», - скорее всего, оценила бы она. Но, с точки зрения Чи Аня, со времён старшей школы Лян Цэ вовсе не похорошел, а просто вырос. Ведь чтобы похорошеть - нужно измениться, а чтобы вырасти - достаточно просто расти. Дальнейшее утрированное формирование собственного «я» - тоже часть взросления, поэтому Лян Цэ, просто развиваясь, неизбежно должен был стать именно таким, какой он сейчас.

Когда Лян Чэнь спросил Чи Аня, ухаживает ли за ним брат, Чи Ань ответил «нет», потому что Лян Чэнь был ему противен. У Лян Чэня было лицо, похожее на лицо Лян Цэ, но в его облике была излишняя навязчивость и отсутствие той самой «божественной» тишины. Видя это искажённое отражение, Чи Ань остро чувствовал горечь и страх потерять то единственное, что давало ему покой. Он хотел лишь броситься с собакой обратно к Лян Цэ.

- Погоди-ка, - Мо Фань прервала Чи Аня, который как раз вываливал на неё новые подробности этой истории, оставшиеся за кадром. - То есть он до сих пор не в курсе, что это изначально твоя собака? Ты вообще о чём думаешь?

- Конечно же, о том, как быть с ним вместе. Про собаку я потом расскажу, но не могу же я вывалить это прямо сейчас, - Чи Ань раздражённо взъерошил волосы. - Если к тебе внезапно подскочит незнакомый чел и заявит: «Я сохну по тебе уже десять лет, я всё это время тайно за тобой следил», разве тебе не станет жутко? Я кучу сил потратил на то, чтобы перестать быть таким поехавшим извращенцем! - выдал он с абсолютной праведной уверенностью.

- И то правда. Помню, как несколько лет назад я ходила с тобой к психиатру, а потом на психологическую консультацию, и врач сказал, что твоя зависимость от девайсов это на самом деле проявление ОКР, спровоцированное ПТСР, - протянула Мо Фань. - В тот момент мне показалось, что я услышала идеальное определение слова «псих».

- Мои заскоки касались только меня самого, к тому же у меня уже сто лет не было обострений. Я специально дождался, пока стану более-менее нормальным, и только тогда пошёл с ним знакомиться, - уверенности в голосе Чи Аня поубавилось.

Мо Фань лишь вздохнула и ничего не ответила. Кому, как не ей, знать, через что ему пришлось пройти. Помолчав немного, она взяла телефон, собираясь оплатить счёт, но, отсканировав код, обнаружила, что Чи Ань уже всё оплатил.

- Я, в общем-то, особо и не тороплюсь, - Чи Ань поболтал в бокале остатки льда, терпеливо дожидаясь, пока они растают и превратятся в слегка отдающую алкоголем воду. - Но когда мы уже перейдём к чему-то более интимному и двусмысленному?

Мо Фань резонно заметила, что на трезвую голову нормального флирта не выйдет, и

предложила Чи Аню позвать Лян Цэ. Местом действия выбрали глухой, тихий бар, а временем среду третьей недели их знакомства. Мо Фань забрала у Чи Аня телефон, разблокировала его кодом «971121» и набрала Лян Цэ. Напустив на себя паники, она запричитала в трубку, что Чи Ань нажрался в хлам и не мог бы он приехать и забрать его.

Они жили в городе, где мёртвые пробки были делом привычным, но Лян Цэ примчался на удивление быстро. Когда дверь бара распахнулась, Чи Ань, сидевший в самом тёмном углу, увидел, как Лян Цэ абсолютно трезвым шагом входит в этот до боли банальный сюжет, оказываясь в самом центре кадра под светом ламп. В этот миг Чи Аню показалось, что он и впрямь мертвецки пьян.

Лян Цэ опустился перед ним на одно колено. Сегодня на нём был на редкость мягкий, приятный на ощупь свитер. Должно быть, к такому безумно уютно прижиматься. Мо Фань к тому моменту уже испарилась. Чи Ань, положив голову на стол, заворожённо смотрел на него. Раньше он искренне не понимал, зачем люди в отношениях занимаются всякой пошлой банальщиной, но сейчас сам с превеликим удовольствием включился в эту игру.

– А ты чего приехал? – с улыбкой, едва слышно прошептал он.

Лян Цэ, словно спрашивая разрешения, мягко коснулся его руки, аккуратно поднял со стула и перетянул к себе на плечо: – Я приехал забрать тебя домой.

Чи Ань вцепился пальцами в этот мягкий, уютный свитер, обвил руками шею Лян Цэ и приблизил своё лицо вплотную к его:

– Зачем ты приехал за мной? – медленно, с выражением искреннего замешательства спросил он, а затем переадресовал тому, кто и должен был на это ответить, точный вопрос Лян Чэня: – Лян Цэ, ты за мной ухаживаешь?

Это были два очень рискованных вопроса, но Чи Ань при этом лишь сильнее расслабил руки на шее Лян Цэ. В этот миг в нём проснулось животное чутьё, точь-в-точь как у леопарда на охоте или паука, плетущего паутину. Он интуитивно чувствовал, что Лян Цэ никуда не сбежит, а потому незаметно прильнул к нему ещё ближе.

Принято считать, что человек отличается от животного умением пользоваться орудиями труда. Но в детстве, задолго до того несчастного случая, Чи Ань терпеть не мог никакие инструменты. Стоило ему в детстве столкнуться с необходимостью открутить пробку, открыть жестянку или срезать бирку с одежды, он действовал только сам. Ковырял пальцами, кусал, орудовал зубами. Но повзрослев, он стал одержим инструментами и девайсами. Они заполонили каждый угол его жизни, включая даже профессию. Он выучился на ветеринара, выбрав специальность, которая больше всего требовала медицинского инструментария, чтобы с его помощью лечить животных и изо всех сил не давать им погибать так, как умирают люди.

И вот теперь Лян Цэ стоял перед ним, словно намертво закрученная бутылка воды, плотно запечатанная жестяная банка или узел, который невозможно разорвать. Но Чи Ань влюбился,

а потому остался совершенно незащищенным. Ему не оставалось ничего другого, кроме как по-детски, собственным телом разгадать эту загадку. Он снова полностью отказался от любых «инструментов» и не дожидаясь ответа Лян Цэ, он прижал ладони к его шее и ушам, коснулся своим носом его носа, а губами провёл по его губам. А затем Чи Ань слегка высунул кончик языка и мягко лизнул Лян Цэ в ложбинку между губами. Он отчаянно хотел взломать его оборону, и его язык сейчас был самым нежным в мире рычагом.

Лян Цэ ощутимо вздрогнул, но губ так и не разомкнул, оставив этот жест без ответа. Чи Ань немного приуныл. Балансируя на грани лёгкого алкогольного опьянения, он с тоской подумал: господи, сколько же ему ещё предстоит пройти?

Он почувствовал, как Лян Цэ аккуратно убрал его руки со своей шеи, увеличивая дистанцию. Но в следующее мгновение Лян Цэ бережно подложил одну ладонь ему под затылок, а второй нежно обхватил его лицо. И поцеловал Чи Аня в лоб.

Этот поцелуй Лян Цэ был весомым, многозначительным и одновременно едва уловимым, как точные ответы, которые он обычно давал на сложные вопросы. Его взгляд был предельно сфокусирован, когда он отчётливо произнёс:

– Я приехал за тобой, потому что ты мне дорог. Чи Ань, а я дорог тебе?

Если бы Чи Ань прямо сейчас признался Лян Цэ, что тот безумно дорог ему, дорог вот уже целых десять лет, то обрадовался бы Лян Цэ?

Стал бы он снова держать его голову в ладонях и целовать так, как только что? Чи Аню никогда прежде не дарили таких неспешных, размеренных, похожих на священную клятву в полумраке тихого джаз-бара поцелуев. Никакие секс-игрушки и девайсы в мире не способны подарить человеку такой поцелуй.

Лян Цэ открыто пообещал, что Чи Ань ему дорог. Неудивительно, что люди так любят слушать чужие обещания. Это звучало чертовски красиво.

Чи Аню до безумия захотелось выклянчить ещё один поцелуй. Он запрокинул голову, ластясь волосами к ладони Лян Цэ, и соорудил максимально туманный, пьяный взгляд:

– Поцелуй меня ещё разок, и тогда я тебе скажу.

От этого взгляда Лян Цэ мгновенно залился краской, но целовать снова не стал. Он лишь тихо вздохнул:

– Ты пьян.

- Угу, пьян... Был бы трезвым... ни за что бы не посмел так нагло просить.

- Значит, если бы ты был трезвым...

- Если бы я был трезвым, - Чи Ань протянул руку, аккуратно заправил выбившуюся прядь волос Лян Цэ ему за ухо, а затем нежно сжал его мочку и шёпотом, но предельно чётко потребовал: - Я бы сказал: «Сделай так, чтобы я был для тебя не просто "дорог"».

Комментарии переводчиков:

ну мы так в сторонке постоим посмотрим ага да, вы не останавливайтесь угу(///□ □///)

- ТКТ

какая прелесть а не сцена (~ ³~)♥, я просто в голос кричала с неё. Чи Ань, ты не пьян, ты просто влюблённый дурак, и это прекрасно. а Лян Цэ, который краснеет от одного туманного взгляда, но при этом целует в лоб и говорит «ты мне дорог» — это отдельный вид искусства. эти двое сведут меня с ума раньше, чем друг друга (//•/ω•//)

- Мелодия

<http://bllate.org/book/20873/2116880>